

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

МАРТ - 2001

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 11 (58), 24 марта 2001 г.

Выходит с января 2000 г.

К НЕМУ ЗА КУЛИСЫ
ПРИХОДИЛА АХМАТОВА«Нужно удивляться жизни!» — считает «пастух»
с шестидесятилетним стажем Владимир Зельдин

В будущем году исполнится 60 лет популярнейшему советскому фильму Ивана Александровича Пырьева «Свинарка и пастух». А совсем недавно гораздо более солидный юбилей — 85 лет! — отметил замечательный артист, исполнитель роли горца Мусаиба, актер Театра Российской армии с 1945 года Владимир Зельдин. Он был и продолжает оставаться кумиром нескольких поколений. Блистательный учитель танцев Альдемаро (последний раз — тысячный! — он сыграл эту роль в 60 лет!), ироничный Мюнхгаузен в пьесе Григория Горина... Всех ролей не перечислить. В нем есть что-то от офицеров дореволюционной России: выправка, подтянутость, интеллигентность, ум и обаяние. Как-то в одной из московских газет промелькнуло сообщение, что Зельдин якобы с журналистами не общается, а за интервью с ним необходимо выложить кругленькую сумму в долларах. «Не может такого быть! Это ложь и клевета на уважаемого и любимого актера!» — решили корреспонденты «НГ», созвонились с Владимиром Михайловичем и... тут же безо всяких условий получили согласие на беседу.

Ирина Барышева,
Александр Щуплов

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, фильм «Свинарка и пастух» — ваша первая киноработа. Как молодому человеку удалось попасть сразу на главную роль?

— Обычно ассистенты или помощники режиссеров ходят по театрам, смотрят актеров. В то время я работал в Центральном транспортном театре, где играл несколько ролей — как серьезных, так и комедийных. Ассистент Пырьева пришел в наш театр, посмотрел меня, поговорил после спектакля, рассказал о фильме, дал почитать сценарий. Мне сценарий очень понравился, но я никогда и не предполагал, что меня могут взять на эту роль.

— Насколько известно, вы никогда не предполагали и актером быть...

— В юности я активно занимался спортом — лыжами, коньками, футболом, волейболом, теннисом. Учился в семилетке. У нас была военизированная школа — мы даже участвовали в параде на Красной площади в 1930 году. Естественно, после школы я собирался поступать в военно-морское училище. Романтика — море, корабли, форма... Но в училище меня не взяли из-за плохого зрения. После школы некоторое время работал слесарем. Потом поступил в театральное училище.

— Вернемся к «Свинарке и пастуху». Как прошли кинопробы?

— Во время встречи с Пырьевым, я, видимо, произвел на него хорошее впечатление. Тогда мне было 26 лет. Пырьев много со мной работал, репетировал для кинопроб сразу три сцены — наверное, он тоже хотел, чтобы я у него снимался. Но конкуренция была очень большой! Бытовало мнение: зачем брать на роль дагестанца русского артиста, если есть замечательные актеры театра Руставели — настоящие грузины, аварцы и другие?.. Но утвердил

меня отнюдь не режиссер... а женская половина съемочной группы — гримерши, костюмерши, актрисы, которые снимались в массовых сценах. Когда в качестве пробы была снята финальная сцена и в просмотровом зале на экране пошел эпизод, где я приезжаю в деревню к Глаше, вхожу в горницу, объясняюсь с ней, мнение утвердить на роль героя именно меня у женщин было единодушным.

— Долго вас гримировали под горца?

— Практически ничего и не делали. Соединили брови на переносице да немножко подкрасили мои усы.

— Наверное, после выхода фильма жителя Кавказа принимали вас за своего?

— Да меня и до этого никто русским не считал. Когда я играл в театре «Стрекозу» — пьесу о грузинском колхозе — «на меня» весь Центральный рынок приходил. Кстати, очень быстро освоился я и со своим «стадом». Я люблю животных, поэтому два пса, которые помогают на экране мне охранять стадо, быстро ко мне привыкли, и мы стали большими друзьями. Я их кормил, ухаживал за ними...

— В фильме вы так ловко скачете на коне, словно родились в седле. Учили этому специально для съемок?

— Я окончил кавалерийское училище имени Буденного, которое находилось на улице Воровского (ныне Поварской). Там был манеж, где я занимался, еще будучи студентом театрального училища в 1935 году. В группе вместе со мной катался Василий Сталин и сыновья Микояна. Васе было в то время 18 лет, он был очень независимым, но общительным молодым человеком. Я с удовольствием встречался с ним на этих занятиях.

— Столь важных наездников, наверное, окружала охрана?

— Я как-то ее не замечал.

— Не сказали ли впоследствии знакомство с Василием Сталиным на вашей судьбе?

— Абсолютно нет! С Василием Сталиным мы встретились однажды в доме отдыха. Он уже был генералом и, не помню, то ли был женат, то ли ухаживал за очень известной пловчихой. Она там тренировалась в бассейне, а он к ней приезжал.

— Как удалось закончить съемки картины — ведь в это время шла война?

— Съемки начались еще в мирное время. Война застала нас в Домбае и Теберде, где мы работали на природе. Конечно, не только мы — вся страна была в шоке! Пырьев записался добровольцем на фронт, я тоже был мобилизован и попал в танковую школу. Однако недели через две-три нас собрали и сообщили, что согласно указанию Сталина всем нам дали бронь и приказали продолжать снимать картину. Сцены на выставке снимали под немецкими бомбежками, в две смены. Хотя, согласитесь, они получились высокого качества! Наверное, этот фильм (а точнее, указание Сталина) меня спас: многие мои сверстники и товарищи по танковой школе погибли на фронте... А мне на фронт выезжать доводилось только с концертами в составе артистических бригад. Нас берегли и сохраняли для мирного времени.

— Вы работали в тесном контакте с красавицей Мариной Ладьиной. Не влюбились друг в друга?

— С моей стороны было чувство обожания: я восхищался ее умом, красотой, дарованием, скромностью. Но она была женой Ивана Александровича Пырьева, поэтому между нами никакой влюбленности не возникло и не могло быть. Это было нелегко для меня. Велья Марина Алексеевна Ладьянина была совершенно очаровательная женщина с огромными голубыми глазами, умница, скромная!.. Я просто обожал ее. Когда мы вместе с ней играли сцену, стояли в кадре, меня охватывало чувство обожания и трепет. К тому же режиссер Иван Александрович Пырьев был неистовым, удивительным и для тех времен необыкновенно смелым человеком. Для меня, молодого человека, встреча с такими необыкновенными людьми была хорошей школой воспитания...

— Была ли у вас в жизни такая большая и романтическая любовь, как у вашего героя Мусаиба?

— Конечно, была и есть. Я люблю свою жену Иветту Евгеньевну Капранову, с которой живу уже 36 лет. У любви несколько стадий: есть случаи, когда человек влюблен, увлечен, потом это переходит в более глубокую стадию. А есть влечение, страсть, которая может длиться неделю, две недели, месяц, а потом исчезнуть. Настоящая любовь переходит в какую-то общность взглядов, в уважение к человеку, с которым ты живешь...

— Ваша жена тоже актриса?

— Нет, она окончила университет, работала редактором в бюро

пропаганды киноискусства: занималась организацией выездов бригад актеров с концертами. Мы и познакомились — то в Доме кино на Васильевской: перед какой-то очередной концертной поездкой я зашел к ней со своим коллегой, актером Володией Сошалским. Потом за знакомством последовали встречи...

— Наверное, после «Свинарка...», а позже — и телеверсии спектакля «Учитель танцев» хлынули письма от поклонниц?

— Очень много — поздравительных, благодарных...

— Женщины не предлагали вам свою любовь?

— Нет, таких писем не было. Да и не такой уж я красавец. Красавицы — это Ален Делон, Саша Домоговор, Филипп Киркоров, наконец... Нет, подобные эпитеты не ко мне. Я — обыкновенный человек, который занимается своей профессией и очень ее любит. Я никогда не занимался своей карьерой — просто играл в театре, выступал в концертах и благодарен судьбе, своему ангелу-хранителю, что до сих пор, несмотря на возраст, могу этим заниматься.

— Ну, судя по тому, как лихо вы в «Последнем пылком влюбленном» отплясываете с Ларисой Годубкиной и легко прыгаете через кровать или влюбляетесь в пьесе «Приглашение в замок», возраст вам не помеха...

— К сожалению, в «Последнем пылком влюбленном» я не играю уже пять лет. У меня был инфаркт — как следствие стрессов, нагрузок, переутомления, отсутствия возможности следить за собой. У наших актеров нет же личного врача... После инфаркта мне запретили участвовать в спектакле с такими нагрузками.

— Как же вообще у вас хватало сил в течение трех актов вести в солидном уже возрасте эту роль — столь динамичную, сложную, насыщенную, требующую большой отдачи энергии?

— Конечно, физическая нагрузка колоссальная, но это был один из любимых моих спектаклей. Если бы не инфаркт, я, возможно, не ушел бы с этой роли и по сей день. Природа подарила мне такую энергию, которая существует во мне до сих пор. Мне не нужно ничего — ни рюмки коньяка, ни рюмки водки, — чтобы настроить себя на работу. Я никогда не курил и не пил. Но секрет молодости заключается в другом. Нужно уметь удивляться жизни, интересоваться всем новым, никогда никому не завидовать. Необходимо поддерживать в себе состояние влюбленности — в свою профессию, в людей, которые тебя окружают, в жизнь во всех ее проявлениях. Если мне не напоминают, я и не думаю о своем возрасте. Зачем расслабляться? Нужно находить силы работать и преодолевать возрастные недуги. Пока мне это удается!

— Кстати, о состоянии влюбленности. Ваш коллега Федор Чеханков как-то рассказывал в интервью, что

влюбленность, некие личные отношения с партнершей очень мешают ему на сцене. Но про вас в том же интервью он говорил, что вы всегда влюблялись в своих партнерш и это помогало вам играть. Это действительно так?

— Нет, это не то чтобы влюбленность (хотя влюбленность артисту играть не мешает). Это — умение найти в своей партнерше какие-то привлекательные для себя черты: улыбку, глаза, красивые волосы, фигуру, голос, — все это может помочь актеру в какой-то сцене сыграть влюбленность.

— Владимир Михайлович, а если попадается мимра, а вам приходится по сценарию ее целовать?

— Всегда можно обмануть.

— Женщину не обманешь.

— Женщину — да! Зато можно обмануть зрителя!..

— Когда-то Григорий Горин по вашему заказу написал для театра пьесу «Тот самый Мюнхгаузен». Почему вам захотелось сыграть эту роль?

— Потому что мне нравился человек, погруженный в свой мир фантазий, уходящий от действительности. Мы не ощущаем и не замечаем природу вокруг нас — небо, звезды, реки... А это огромное счастье — ощущать жизнь, видеть все, что происходит в природе. Человеку дана короткая жизнь, один миг — глядишь, вот уже и 85 стукнуло...

— Вы прослужили в родном Театре армян — страшно сказать! — 55 лет! Неужели за столь внушительный срок у вас никогда не возникало желание уйти?

— Всерьез — нет. Даже когда у меня возникали неприятные моменты в коллективе. Однажды я опоздал на спектакль «Учитель танцев» на 45 минут: мы играли его в каком-то загородном клубе, и я решил поехать туда на мотоцикле. По дороге заклинило мотор. Тем не менее я все-таки добрался и сыграл спектакль. В то время в моде были общественные суды, и меня решили «проработать». Со мной случился шок, потому что из актерской братии меня не только никто не защитил — наоборот, мои коллеги начали вытаскивать на поверхность случаи, не имевшие никакого отношения к моему творческой деятельности. Дошло до того, что они стали говорить, будто я могу быть предателем или шпионом! Наш начальник театра, генерал-майор, шутя намекнул собравшимся, что после всего сказанного Зельдина нужно расстрелять. Благодаря ему обстановка как-то разрядилась, и я отделался выговором. Сначала я решил, что немедленно уйду из театра, но мне было жалко расставаться с «Учителем танцев», и остался.

— В театральных и литературных кругах существует красивая легенда, что после этого спектакля к вам за кулисы пришла Анна Ахматова...

— Это не легенда, такое действительно было. Вот сюда и приходи-

● ЕЛЕНА ХАНГА — «ПРО ВСЕ»!

стр. 11

ТВ «РУССКИЙ ДОМ
БЕЗ ПОЛИТИКИ»

стр. 12

ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

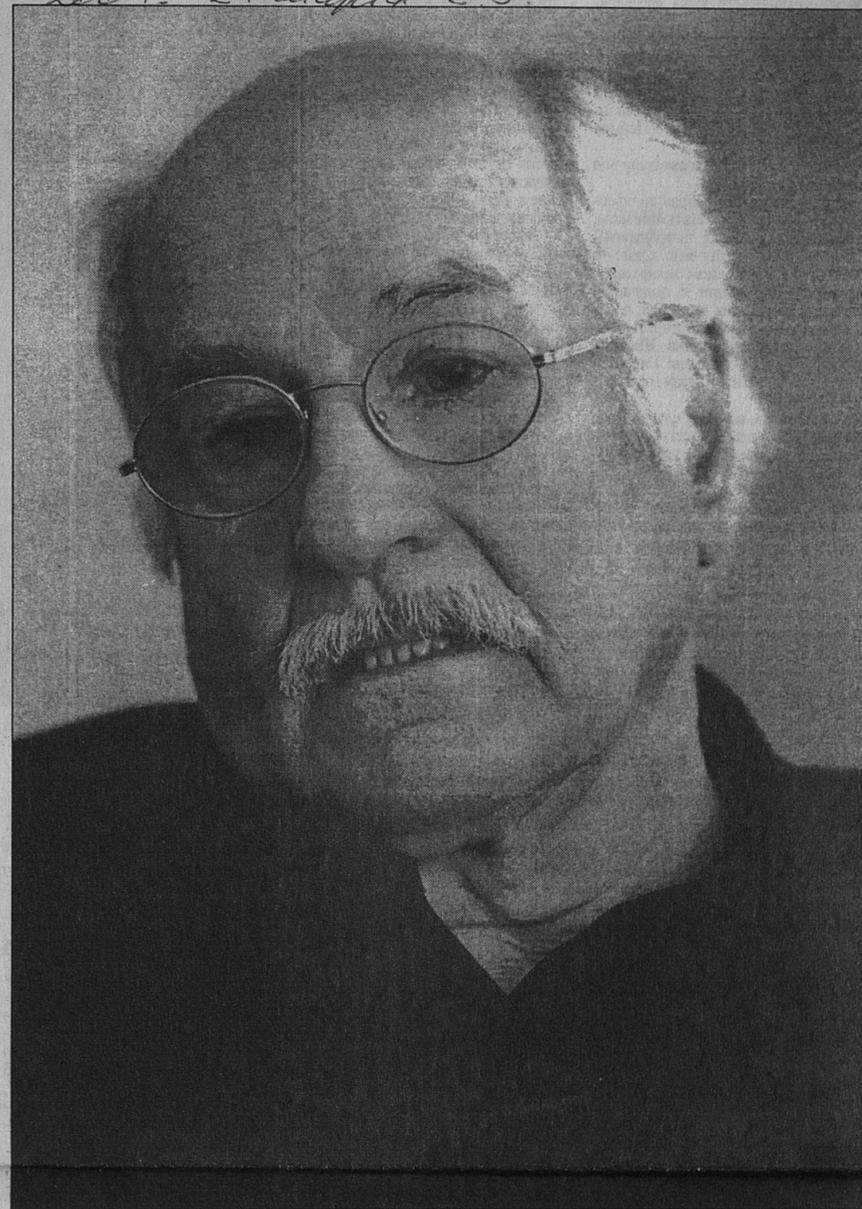
стр. 13-14

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»

стр. 15

● АФИШНАЯ ТУМБА

стр. 16

Владимир Зельдин: «В нашей жизни главное — любовь!»
Фото Ирины Барышевой

ла. Я хорошо знал Анну Андреевну: в нашем театре работала режиссер Нина Ольшанская, которая дружила с Ахматовой. Анна Андреевна вошла ко мне в примурную, посмотрела на меня, дурака необразованного, поблагодарила, пожелала успехов. Впрочем, когда она зашла, я вскопчил, поцеловал ее руку. Удивительная женщина!

— Как вам сейчас живется?

— По-разному. Я не знаю, как живут другие. Наверное, на Западе я давно бы имел виллу, а может быть, и собственный остров. А здесь у меня нет даже дачи. Езжу на старенькой «семерке». Ей 12 лет, она вся поцарапанная, от нее шаркают водители, но зато никто не угоняет. Я никому не завидую: все, что загадывал, у меня получилось. Очень радуюсь, когда у людей есть большая квартира, письменный стол, кабинет, где может работать человек. Сам живу в двухкомнатной квартире. Когда мне стукнуло 75, на юбилей пришло много народа: Махмуд Эсамбаев, Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Гена Хазанов... Оглядев мои 28 ме-

тров, Гена сказал: «Да-а, так может жить только хороший человек!» Работают на кухне, здесь же вертится моя собака, которую я очень люблю.

— Породистая?

— Обычная дворняга, только очень крупная. Живет у меня уже 9 лет. Мы полюбили ее на улице еще в трехмесячном возрасте. Как-то в январе гуляли с женой и услышали писк из суроба: маленький шенок, который замерз на снегу. Назвали его «Борис Николаевич». Очень добрый пес. Одинаково признает и меня, и жену, для него мы оба — равноправные хозяева. Ему у меня хорошо живется, мы гуляем утром и после спектакля. Аппетит замечательный, спит прекрасно, никогда не беспокоит...

— Защищает вас от недоброжелателей?

— В основном я сам защищаю и себя, и его. Мы его никогда не наказываем. Он очень приветливый, ласковый, ко всем относится дружелюбно и никогда никого не укусил, несмотря на свой устрашающий вид и размеры.

— Если бы нашелся какой-нибудь олигарх, который дал бы вам деньги на кино и предложил снять все, что душе угодно...

— Мое поколение привыкло меньше фантазировать и говорить, а больше совершать поступки. В поступках — хороших или плохих — раскрывается человек. В нашей жизни главное — доброта, сострадание и любовь. Эту тему я бы поднял в кино. Мне бы хотелось сыграть небольшого, простого человека, который натывается на бюрократию, социальные трудности, бытовые сложности и при этом остается человеком. Он терпеливо преодолевает все эти задержки зарплаты...

— Интересно было бы посмотреть, как вы входите в роль человека, которому задерживают зарплату...

— Терпение стало уже нашим врожденным национальным чувством. Особенно в моем поколении. Я видел гражданскую войну, НЭП, Отечественную войну... Главное — оставаться человеком, не терять достоинство, помнить о людях, не забывая прошлое, жить и не думать о смерти...